

классов слов (лексических полей)...., вопреки мнению И. Трипра и его единомышленников, очень мало» (с. 183).

В заключение отметим некоторые недочеты рецензируемой книги.

В описательной части исследования конкретные наблюдения и обобщающие выводы автора не сопоставлены с суждениями других ученых. Это объясняется, по-видимому, прежде всего практической неизученностью материала, впервые вводимого в научное обращение, однако полная отстраненность от литературы предмета, принципиальный отказ от анализа определенных значения глаголов в толковых словарях не способствует объективной оценке аргументированности и перспективности предлагаемых решений и доказываемых положений.

Многочисленные примеры, приводимые автором, дают четкое представление о составе и классификации глаголов психической деятельности, но в книге, к сожалению, нет ни алфавитного списка, ни систематизированных указателей анализируемых глагольных лексем. Этот недостаток, компенсируемый отчасти отсылкой автора к его предшествующей публикации (см. с. 5), представляется существенным не только потому, что он осложняет восприятие языкового материала, но и потому, что он может каким-то образом повлиять на использование результатов анализа в работах других исследователей.

Функциональная нагрузка лексических единиц не может, естественно, полностью учитываться в собственно семантическом анализе. Этот аспект является предметом грамматических наблюдений, которые могут дополнить или скорректировать выводы семасиолога. Рассматривая исследование Л. М. Васильева в этом плане, нельзя не обратить внимания, например, на то, что среди возвратных глаголов со значением «представляться» (с. 131—

132) теряется не выделенный особо глагол *казаться* — *показаться*, активность употребления которого не идет ни в какое сравнение со всеми другими глаголами группы, а его безличная форма (*Мне казалось, показалось, что...*) не называется в следующем разделе (с. 132—137), где анализируются единицы со значением «полагать». В составе глаголов желания основная функциональная нагрузка падает на форму *хотеть* и ее безличный вариант *хотеться*. Если учитывать это обстоятельство, то не вполне убедительным представится заключение автора о том, что глаголы желания, в отличие от многих других семантических классов, почти не сочетаются с приставками начинательного значения. Безличная доминантная форма данного класса (*захотелось*) выражает это значение с несомненной грамматической регулярностью.

Отмеченные недочеты имеют частный характер и не затрагивают ни общей концепции, ни основных положений рецензируемой книги. Дальнейшее исследование семантики русского глагола, анализ смысловой структуры имен, изучение закономерностей лексической системы русского языка может дополнить и уточнить наблюдения ученого, но в этих последующих размышлениях не могут не учитываться как обобщающие выводы, так и конкретные результаты рассмотренной работы.

Книга Л. М. Васильева, адресованная специалистам различного профиля и открывающая новое направление лексикологических исследований, дает отчетливое представление об основных идеях современной лингвистической семантики и, безусловно, будет способствовать их дальнейшему развитию.

Чернов В. И.

Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Флори Б. Н. Отв. ред. Корольков В. Д. — М.: Наука, 1981. 200 с.

Проблематика древней общеславянской и древнерусской письменности разрабатывается у нас все еще очень мало. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть имена в книге И. Е. Можяевой [1]. В этой книге показан вклад ученых разных стран: мы видим широту исследований и многообразие публикаций ученых Болгарии и менее десятка имен советских исследователей, не по единственной случайной статье оказавшихся в этой библиографии. Поэтому первая реакция на книгу Б. Н. Флори — это глубокая благодарность исследователю, взявшему на себя нелегкий труд подготовки к печати рецензируемой книги.

В книгу вошли три главные произведения, освещающие создание славянской письменности: Житие Константина (ЖК), Житие Мефодия (ЖМ) и Сказание Черноризца Храбра о письменах (СОП) (с. 71—104). В приложениях II и III приведе-

ны Послание (Булла) епископа Адриана и отрывок из Буллы 880 г. папы Иоанна VIII (с. 196—197). Тексты изданы по главным их спискам, находящимся в трех хранилищах СССР (ЖК — ГБЛ, ф. 173, МДА, № 19, XV в.; ЖМ — по Успенскому сборнику, ГИМ, Синод., № 1063, XII—XIII вв., Б. Н. Флори датирует его XII в.; СОП — ГБЛ, ф. 173, МДА, № 145, XV в. и ГПБ, Соловец., № 913, XVII в.), но даны в литературном переводе на современный русский язык, что делает тексты доступными и читателю-неспециалисту. Выделены все исправления текста (курсивом), пояснения переводчика (круглыми скобками) и дополнения по другим спискам (выделены квадратными скобками). Это повышает значимость издаваемых текстов и для специалистов. Каждый издаваемый текст сопровождается разносторонним комментарием, ценность которого трудно преувеличить (с. 105—189). На-

чинается книга принадлежащим также Б. Н. Флоре научным введением: «Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха» (с. 5—69). Разные части книги содержат обширную библиографию.

Происхождение славянской письменности Б. Н. Флоря методологически правильно рассматривает в качестве объективного фактора, связанного с процессами классообразования и формирования феодальной государственности на славянских территориях. В новых государствах складывались институты управления, которые имели многообразные и сложные функции, в том числе связанные с составлением письменных актов на понятном славянскому населению языке. К числу такого рода коммуникационных задач принадлежала и проблема церковной литературы, возникшая после принятия христианства в VIII—IX вв. некоторыми славянскими странами.

Древнейшим произведением, в котором прямо говорится, что с принятием христианства были предприняты попытки создания славянского письма, является Сказание о письменах древнеболгарского писателя конца IX — начала X в. Храбра (Черноризца Храбра). В трактовке создания совершенной системы письма, построенной в середине IX в. с учетом особенностей славянского языка, Б. Н. Флоря исходит из известного положения, что эта система письма возникла «не в славянских странах, а в Византии, и ее создателями были дети „другария“ из Солуни-Фессалоники Константин и Мефодий» (с. 7). Автор строго следует за канвой житий Константина и Мефодия — источников, которые содержат сведения об их жизни и деятельности.

Б. Н. Флоря четко проводит мысль о том, что создание славянского письма было проявлением широких политических планов византийского государства и церкви IX в. Константин при содействии Мефодия начал работу над славянским письмом по поручению византийских правительственных кругов. Скорейшему ее завершению способствовало прибытие в Константинополь посольства из Великой Моравии с просьбой прислать епископа и учителя, который мог бы объяснить моравянам на их родном языке положения христианского учения. Следует согласиться с выводом автора, «что если решение поручить Константину создать письмо для славян и было принято правительством, то быстрое и успешное его выполнение было личной заслугой Константина, отнесшегося к порученному ему делу с гораздо большим воодушевлением, чем сами инициаторы этого предприятия» (с. 21).

Автор правильно характеризует события, связанные с зарождением славянского письма, как в определенной степени случайные, но однако бывшие проявлением необходимости, обусловленной процессами формирования феодальных государственных институтов на славянских территориях. Конкретно это проявилось в поддержке, которую оказал делу Константина и Мефодия моравский князь Ростислав в условиях противодействия братьям со стороны немецкого духовенства.

Б. Н. Флоря подробно останавливается и на положении в католическом мире середины IX в., обстоятельно обосновывая, что основное расхождение солунских братьев с немецкими миссионерами состояло в том, что Константин и Мефодий перевели на славянский язык основные церковнослужебные книги, в первую очередь — Евангелие, а также Апостол и, может быть, Паремейник. Это противоречило установке католической церкви о праве ознакомления с указанными текстами только клира, народ же должен был знакомиться с содержанием основных церковных книг из уст священников, а самостоятельно мог читать лишь второстепенные произведения. Поэтому только эти последние переводились немецкими духовенством на местные языки (старонемецкий, старославянский латинскими буквами и пр.), а основные религиозные произведения излагались на латыни, недоступной народу. Автор приходит к правильному выводу, что перевод славянскими первоучителями таких сложных произведений, как Евангелие и др., означал «не просто возникновение литературного языка средневековых славян, но его сложение уже сразу в тех зрелых, развитых формах, которые вырабатывались в греческом тексте оригиналов как результат многовекового литературного развития» (с. 33).

Б. Н. Флоря объясняет политической гибкостью солунских братьев их переход в подчинение к папе римскому; подробно рассказывает об отношении папства к делу Константина и Мефодия. Автор раскрывает взаимоотношения между Мефодием и княжеской верхушкой после смерти Константина в 869 г. Он тщательно анализирует апологику славянского языка как равного греческому и латыни, представленную в Житии Константина, а также раскрывает содержание отраженных в нем теологических взглядов.

Серьезное внимание уделяет исследователь атрибуции Жития Константина. Из-за недостатка фактических данных он не склонен вставать ни на одну из наиболее вероятных точек зрения по этому вопросу — считать автором произведения Климента Охридского или Мефодия с учениками. Внимательно анализирует Б. Н. Флоря, опираясь на источники и историографию, вопросы, связанные со смертью Мефодия, написанием его Жития, атрибуцией этого памятника. Автор рецензируемой книги повествует о горькой участи, постигшей учеников Мефодия в Моравии после его смерти. Интересно рассказывается в книге об их последующей плодотворной деятельности в Болгарии по распространению славянского письма и достигнутых ими успехах в литературной и церковной деятельности. Тщательно освещается вопрос о культурном перевороте, происшедшем в Болгарии на рубеже IX и X вв., который «привел к окончательному сложению славянского варианта византийского круга европейской средневековой культуры» (с. 54). Автор заинтересованно рассказывает о константино-мефоди-

евских традициях в других славянских странах, в том числе на Руси.

Далее Б. Н. Флоря подробно останавливается на историографии Сказания о письменах Храбра и результатах изучения источников о происхождении славянского письма. Автор знакомит с дискуссией по этой проблеме, которая долгие годы ведется между учеными в разных странах, и в качестве первого и важнейшего итога называет «точное установление того факта, что Константин-Кирилл создал именно глаголическую азбуку» (с. 58). Такой вывод решает важный вопрос о назначении сочинения Храбра. Древнеболгарский автор защищал в нем глаголическую азбуку, против которой выступали не греки, как считали некоторые ученые, а образованные представители болгарской знати и болгарского духовенства, приверженные к записи родной речи греческими буквами. «Болгарские оппоненты Храбра не отказались от своей мысли положить в основу алфавита греческое письмо, но под влиянием его критики проделали значительную работу по приспособлению этого письма к особенностям славянского языка. Греческий алфавит был дополнен теми буквами, принесенной из Моравии азбуки, которые передавали специфические для славянского языка звуки, при этом был введен ряд новых графем для передачи звуков, характерных именно для болгарских говоров, и опущены те графемы глаголической азбуки, которые отражали характерные особенности западнославянских говоров Паннонии и Моравии» (с. 61). Так выглядит процесс кристаллизации кириллицы, происходивший самое позднее на рубеже IX и X вв. в Первом Болгарском царстве, в свете современных научных данных, которые скрупулезно обобщает в своей работе Б. Н. Флоря.

Советский автор в отдельных случаях не соглашается с мнениями зарубежных коллег. Так, отмечая важность конкретных наблюдений Й. Влашка над художественной формой Сказания о письменах, Б. Н. Флоря аргументированно отвергает основной тезис чехословацкого исследователя о том, что первоначальный текст Храбра был стихотворным, но затем его переработали без учета его метрической структуры.

Большую научную ценность представляют подробные комментарии к трем публикуемым славянским памятникам. Сообщаемые сведения фактического и библиографического характера вводят читателя в круг важных и увлекательных данных, которые с живописной силой дополняют систематическое изложение проблемы происхождения славянского письма, представленное во вступительной статье.

Б. Н. Флоря останавливается на существенном для правильного понимания происхождения славянского письма вопросе — о стиле мышления Константина-Кирилла, но, к сожалению, разрабатывает его все же с недостаточной полнотой. Так, среди части ученых, занимающихся кирилло-мефодиевской проблематикой, распространено ошибочное убеждение в

том, будто бы интерес к филологии у славянских учителей шел в ущерб точным наукам. У Б. Н. Флоры указанное неверное отношение выразилось в утверждении, что «точными науками Константин не интересовался» (с. 12). Может быть, этим объясняется то, что в книге не обсуждается нумерационный принцип построения глаголицы. Как известно, вопрос о том, что глаголица изначально была задумана устроенной по нумерационному принципу, разрабатывался такими видными учеными, как Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой. Они считали, что первые девять букв глаголического алфавита играли роль единиц, следующие девять — десятков, идущие далее девять — сотен, остальные девять — тысяч. Получалось в первоначальной глаголице 36 букв, порядок которых определялся цифровой системой [2—4].

В Сказании о письменах Храбра говорится о 38 буквах. Как отмечает Б. Н. Флоря, по мнению ряда исследователей (Ф. Мареш, В. А. Мопин и др.), тот состав глаголической азбуки, каким его трактует Храбр, сложился позднее, в последнем десятилетии IX в. Подтверждением того, что первоначально в алфавите было 36 букв, в частности, служит Азбучная молитва древнеболгарского писателя Константина Преславского (с. 178).

Чтобы прийти к мысли о нумерационном принципе построения азбуки, Константин-Кирилл должен был обладать знаниями по основной части математики того времени — арифметике, в которую нумерация входила в качестве самостоятельного действия. Это обстоятельство Б. Н. Флоря недооценивает. Однако, отмечая, что одним из учителей Константина был Лев Математик, Б. Н. Флоря правильно обращает внимание на то, что указанный факт прошел мимо внимания исследователей. Из этого следует необходимость пересмотра существующего взгляда о чисто гуманитарном стиле мышления Константина.

Это подтверждается текстом Жития Константина, где перечисляются предметы, которые Константин изучал под руководством учителей: «И в 3 месяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки, научился же и Гомеру, и геометрии, и у Льва, и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллиским учениям» (с. 73). Комментируя это место, Б. Н. Флоря считает, что «Гомеру и геометрии Константин учился у Льва, а всем остальным наукам — уже у Фотия» (с. 109).

Итак, Житие Константина содержит данные о его знакомстве с арифметикой, геометрией и астрономией. Более того, в нем есть сведения о том, что методы этих наук он ценил и использовал в своей деятельности.

Один такой пример содержит XIII глава Жития Константина, где говорится о прочтении им пророческой надписи на чаше из драгоценного камня в соборе Софии в Константинополе (с. 86). Над-

пись содержала число 909¹. Константин произвел расчет и установил, что это число является пророческой датой рождения Христа: «Рассчитал же тонко Философ и нашел: от двенадцатого года правления Соломона до (наступления) царства Христова девять сот и девять лет. И это — пророчество о Христе» (с. 86).

Одной филологической подготовки, которая была необходима для расшифровки еврейских и самаритянских писем на чаше, было недостаточно для правильного их истолкования как пророческих о Христе. Для этого надо было разбираться в библейской исторической хронологии, требующей умения точно производить довольно трудоемкие математические подсчеты. Людей, знавших семитские языки не хуже Константина, было и до него в столице Византии немало, однако надписи «никто не мог ни прочесть, ни перевести» (с. 86). Все дело, думается, заключалось в том, что Константин в отличие от филологически образованных людей своего времени владел богатыми знаниями о календаре и умел хорошо оперировать цифрами. Это и позволило ему решить трудную хронологическую задачу, которая не поддавалась другим.

Второй пример содержится в XVII главе Жития Константина. Здесь говорится, что когда Константин находился в Риме, то к нему обращались люди как к ученому и мудрому человеку и просили объяснить различные сложные вопросы. Приходили и поспорить с ним по проблемам религии. «Еврей же некий также приходил и спорил с ним, и сказал ему однажды: „По расчету лет не пришел еще Христос, о котором говорят книги и пророки, что родится от деви“. Философ же, рассчитав ему все годы от Адама по поколениям, показал ему со всей точностью, что (уже) пришел, и сколько лет прошло с того времени до этой поры, и, научив его, отпустил» (с. 91).

Для убеждения оппонента в том, что он заблуждается, Константину необходимы были знания об иудейской и христианской календарных системах, данных о хронологии ветхозаветной и евангельской истории и твердое умение в сложном счете.

Есть в VI главе Жития Константина фрагмент, содержание которого косвенно подтверждает высокое место естественных наук в представлении Философа. В нем повествуется о религиозном диспуте между Константином и арабами. При этом агиограф в качестве показателя значительного интеллектуального развития последних, наряду с другими факторами, указывает на их знакомство с геометрией и астрономией: «Агаряне, люди умные и начитанные, наученные геометрии, и астрономии, и другим учениям» (с. 75). Такой позитивный подход

автора Жития к естественным наукам мог быть обусловлен аналогичным отношением к ним Константина.

Думается, что приведенные данные существенно дополняют представление о Константине как только «чистом» гуманитарии. Житие говорит о том, что он был одним из образованнейших людей своего времени, имевшим не только блестящую филологическую подготовку, но и выдающиеся знания и навыки в области естественных наук, главным образом, в арифметике — основе его хронологических достижений. Поэтому Константин вполне мог оценить как положительное качество нумерационный принцип, по которому были построены некоторые существовавшие в его время алфавиты, например, армянский и грузинский и применить его в глаголице. Не исключено, что Константин самостоятельно пришел к идее о нумерационном построении новой славянской азбуки. Это согласуется с его стилем мышления, сформировавшимся под определенным влиянием точных наук.

В работе Б. Н. Флора встречаются мелкие погрешности, которые не влияют на общую высокую оценку его труда, но оставляют досадное впечатление. Так, на с. 124 числа 909 и 989 названы цифрами.

На с. 180 говорится: «Обращение к Мюнхенскому абецедарию показывает, что здесь между „д“ и „w“ помещен знак...». Однако в действительности порядок указанных букв в Мюнхенском абецедарии обратный.

Противоречиво изложен вопрос о монашестве Константина. Комментируя заключительную главу его Жития, Б. Н. Флора перечисляет три существующие точки зрения по этому вопросу: 1) Константин перед смертью принял схиму, т. е. до этого был монахом; 2) он стал монахом с принятием имени Кирилла только на смертном одре; 3) Константин перед смертью добавил к своему имени имя своего святого патрона Кирилла (с. 141). Отсюда следует, что вопрос — был ли до своей кончины Константин монахом или светским лицом — остается неясным. Поэтому вызывают недоумение замечания, что Константин был монахом уже во время своей миссии в Халифат и Хазарию (с. 17) и позже, когда византийское правительство направило его в Великую Моравию вместе с братом Мефодием (с. 195).

Недостатком книги, по нашему мнению, является отсутствие оригинальных текстов житий и Сказания Черноризца Храбра, которые даются только в воспроизведении на современный русский язык. Публикация оригиналов посильными графическими средствами (гражданский шрифт с добавлением необходимых знаков) придала бы законченный вид этой весьма полезной книге, наряду с переводами и ценными комментариями, представленными в ней.

Нельзя не отметить странное оформление титульных листов книги (редактор издательства Л. И. Тормозова): на третьей полосе, где должна быть фамилия Б. Н. Флора — исследователя, пере-

¹ Вероятно, это число в сохранившихся списках жития Константина является искажением более подходящего по смыслу числа 989, возникшим из-за неверного прочтения цифры И = 8 как союза «и», см. с. 124 рецензируемой книги.

водчика и издателя текстов житий и Сказания Храбра (напомним, что сами тексты занимают всего лишь 33 страницы книги, т. е. 1/6 ее листажа!) — неудачно размещены с титулами семь фамилий членов редколлегии серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», которые должны бы находиться под этим названием именно серии, т. е. на второй полосе книги. В результате рецензируемый компонент серии остался без автора-исполнителя, а имена семи редакторов серии оторваны от ее заголовка.

Но в целом книга Сказания о начале славянской письменности является прекрасным образцом для последующих трудов названной серии, подготавливаемой Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и выпускаемой издательством «Наука».

По образному определению акад. Д. С. Лихачева, хорошая книга «не закрывает тему», а «намечает пути для движения научной мысли». К такого рода ценным для развития советской славистики трудам принадлежит и рецензируемая книга Б. Н. Флори. Нет сомнения, что она привлечет к себе внимание исто-

риков, литературоведов, лингвистов, а также широкий круг читателей, интересующихся истоками письменной и духовной культуры своей Родины. Не удивительно поэтому, что изданная тиражом 30 000 экз., она сразу же стала библиографической редкостью.

Жуковская Л. П., Симонов Р. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Можаяева И. Е. Библиография по килдильно-мифодиевскому проблематике. 1945—1974 гг. М., 1980.
2. Дурново Н. Н. Мысли и предложения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — *Byzantino-slavica*, 1929, т. I, с. 83.
3. Дурново Н. М. Мюнхенский алфавитарий. — *Известия АН СССР, Отдел гуманитарных наук*, 1930, сер. VII, № 3, с. 221.
4. Trubetzkoy N. S. *Altkirchenslavische Grammatik, Schrift-, Laut- und Formensystem*. — *Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte*, 1954. Bd. 228, 4. Abhdl., S. 15—23.

Памятники московской деловой письменности XVIII в. Изд. подгот. Сумкина А. И. под ред. Коткова С. И. — М.: Наука, 1981. 318 с.

Лингвистическая общественность как у нас в стране, так и за рубежом высоко ценит и встречает с большим удовлетворением каждое новое издание памятников письменности по истории русского языка, подготовленное в Секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка под руководством С. И. Коткова в Институте русского языка АН СССР. Появление каждого нового издания как для специалистов-филологов, так и для всех тех, кому не безразлично прошлое своей Родины, судьба родного языка, — явление чрезвычайно при мечательное. Вышла в свет еще одна публикация — «Памятники московской деловой письменности XVIII века», — которая «дает наглядное представление о различных сторонах жизни населения Москвы XVIII в.» (с. 2).

В истории русского литературного языка XVIII века принадлежит особая роль — это период формирования общенационального русского языка и его норм. Именно в XVIII в. происходит формирование норм современного словоупотребления, сопровождающееся интенсивным (подчас необычайно сложным и противоречивым) процессом развития всей языковой системы этого времени. В недавно вышедшей монографии «Истоки и судьбы русского литературного языка», освещающей проблемы становления национального русского языка, Ф. П. Филин пишет: «XVIII век справедливо называется переломным в истории русского языка. О нем имеется уже обширная лингвистическая литература... Но написан-

ное о языке этого века — только начало его изучения. Подавляющее большинство письменных произведений и документов XVIII в. в языковом отношении остается еще не исследованным [1]. «Поэтому первой, насущной задачей в области исторической лексикологии русского языка XVIII в., — замечает Ю. С. Сорокин, — является всемерное расширение круга изучаемых источников» [2]. Ср. также высказывание В. В. Иванова: «...издание... памятников и их изучение может привести и уже приводит к пересмотру определенных устоявшихся представлений об истории тех или иных явлений в русском языке» [3]. Вот почему уже само по себе опубликование «Памятников Московской деловой письменности XVIII века» представляет для лингвистов большую ценность.

Рецензируемая книга состоит из введения (с. 3—10), публикации текстов (с. 13—203), указателя слов (с. 204—265), указателей собственных имен: личных имен (с. 266—279), географических названий (с. 279—281) и фотокопий некоторых публикуемых текстов, представляющих все группы источников.

Во Введении дается детальная характеристика опубликованных материалов, которые представляют почти все десятилетия XVIII в., подробно характеризуются особенности их содержания, выявляется значение опубликованных источников для разработки проблемы формирования русского литературного языка и изучения самых разнообразных вопросов его истории.